

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

ДЖОН УИНДЕМ

ЗОВ ПРОСТРАНСТВА

Фантастика: классика и современность

Джон Уиндем

Зов пространства

«Издательство АСТ»

1959

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Уиндем Д.

Зов пространства / Д. Уиндем — «Издательство АСТ»,
1959 — (Фантастика: классика и современность)

ISBN 978-5-17-122426-4

Поколение за поколением представители семьи Трунов устремляют взор в небеса, очарованные пением звездных сирен, и готовы рисковать жизнью, снова и снова раздвигая границы пространства. Проходят сотни лет, меняются страны и правительства, но жажда знаний и авантюризм человечества неистребимы. Луна, Марс, Венера, Пояс астероидов. Что дальше?.. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-122426-4

© Уиндем Д., 1959
© Издательство АСТ, 1959

Содержание

Орбитальная станция,	6
Луна,	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Джон Уиндем Зов пространства

John Wyndham

THE OUTWARD URGE

Перевод с английского Г. Корчагина

Художник В. Половцев

Печатается при содействии литературных агентств David Higham Associates и The Van Lear Agency LLC.

Серия «Фантастика: классика и современность»

© John Wyndham Estate Trust, 1959

© Перевод. Г. Корчагин, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

Орбитальная станция, 1994 год

С последнего собеседования Маятник Трун вынес самую странную смесь чувств: изумления, воодушевления, уважения и уверенности в том, что ему необходим отдых.

Как он и ожидал, собеседование начиналось сугубо официально. Едва адъютант доложил о его приходе, Трун браво вошел в кабинет и вытянулся в струнку перед широким столом. По ту сторону стола восседал старичок – еще подревнее, пожалуй, того анекдотичного старого пня в погонах, которого рассчитывал увидеть Трун, зато настоящая армейская косточка: поджарый, с красивым, чуть тронутым морщинами породистым лицом, безукоризненно подстриженной белоснежной шевелюрой и рядами орденских планок на левой стороне груди.

Хозяин кабинета оторвал взгляд от скоросшивателя с анкетами, чтобы хорошенько рассмотреть посетителя. Вот тут-то и затлело у Маятника подозрение, что это собеседование будет не совсем обычным, ведь старикашка – или, если представлять его по всей форме, маршал ВВС сэра Годфри Уайльд – не походил на пучеглазых военных чинуш, досужих мастеров судить о человеке по одежке и отыскивать изъяны. Маятнику они успели осточертеть, пока он добирался через все инстанции до этого кабинета. Нет, маршал смотрел на него как на личность, и было в его взоре нечто странное. Не отводя глаз, он два-три раза кивнул своим мыслям.

– Трун, – изрек он задумчиво. – Капитан авиации Джордж Монтгомери Трун. Кажется, в некоторых кругах вы известны как Маятник Трун?

Маятник опешил.

– Э-э... так точно, сэр.

Старичок улыбнулся краями рта:

– Молодежь не бывает чересчур оригинальна. Джи Эм Трун – Джи-Эм-Тэ, а дальше само собой получается: Маятник¹.

Он упорно не сводил с Труна изучающих глаз, и это выходило за грань привычного и удобного. Маятника разбирало смущение, он с трудом одолел соблазн поежиться.

От старика это не укрылось. Мышцы его лица расслабились, губы растянулись в дружелюбную, ободряющую улыбку.

– Простите, мой мальчик. Меня унесло на пятьдесят лет назад.

Он посмотрел вниз, на папку. Некоторые анкеты Маятник узнал: они заключали в себе полную историю его жизни. Дж. М. Трун, двадцать четыре года, родственников не имеет, англиканское вероисповедание. Происхождение... образование... послужной список... медицинская карта... характеристика от командира... характеристика от контрразведки, как же без нее... вероятно, сведения о личной жизни... о друзьях, и так далее и тому подобное... В общем, куча всякой ерунды.

Очевидно, старикан был того же мнения, ибо он с некоторой брезгливостью отпихнул папку, взмахом руки указал на свободный стул и придвинул к Маятнику серебряный портсигар.

– Присаживайтесь, мой мальчик.

– Благодарю вас, сэр. – Маятник взял сигарету.

Он, как мог, старался не выглядеть скованным.

– Скажите-ка, – благодушно попросил старик, – что вас заставило подать рапорт о переводе из авиации в космонавтику?

¹ G.M.T. – Greenwich mean time – среднее время по Гринвичу.

Молодой офицер был готов к этому стандартному вопросу, но в тоне маршала не было ничего стандартного, и под его задумчивым взглядом Маятник не решился ответить сухой казенной фразой. Он слегка наморщил лоб и произнес не совсем твердо:

– Сэр, это не очень легко объяснить. Честно говоря, я и сам не уверен, что понимаю. Видите ли... сказать «что-то заставило» будет не вполне правильно. Но мной все время владело такое чувство, что рано или поздно обязательно придется это сделать. Разумеется, следующим моим шагом...

– Следующим шагом?! – перебил маршал ВВС. – Значит, это еще не предел мечтаний? Следующий шаг – куда?

– Я и сам еще не разобрался, сэр. В открытый космос, наверное. Не могу объяснить это ощущение... Какая-то тяга туда, вверх, за пределы. И ведь не с бухты-барахты, сэр. Похоже, она всегда во мне жила, эта тяга, где-то на задворках ума. Боюсь, это немного сумбурно... – Маятник умолк, сообразив, что его признание весьма напоминает бред.

Но старикан не нашел в его словах ничего бредового. Еще разок-другой неторопливо кивнув, он откинулся на спинку кресла и несколько секунд созерцал потолок – должно быть, рылся в памяти. И вдруг продекламировал:

...Я слышал, как звезду звала
Ее далекая сестра
Полночным писком комара.

Его взгляд опустился на удивленное лицо Маятника.

– Знакомое чувство?

Маятник ответил не сразу:

– Думаю, да, сэр. Это откуда?

– Говорят, из Руперта Брука, хотя мне так и не довелось узнать контекст. Однако впервые я это услышал от вашего деда.

– От... моего деда? – у Маятника брови полезли на лоб.

– Да. От другого Джорджа Монтгомери Труна. Возможно, вы удивитесь – его тоже звали Маятник Трун. Дед!.. – Маршал грустно покачал головой. – Для старых пней вроде меня это, должно быть, самое подходящее слово. А вот Маятник... да-а, не сподобился. Погиб, не дожив до ваших лет... Впрочем, вы сами знаете.

– Да, сэр. А вы с ним были хорошо знакомы?

– Еще бы. В одной эскадрилье служили... Тогда это и случилось. Надо же, как вы на него похожи! Я, конечно, ожидал чего-то подобного и все-таки глазам своим не поверил, когда вы вошли. – Маршал авиации дал паузе затянуться, а затем произнес: – И у него была эта «тяга за пределы». Он пошел в летчики, потому что в ту пору выше атмосферы мы подняться не могли, многие даже и не мечтали... Но Маятник был из немногих. Я по сей день помню его привычку глядеть в ночное небо, на луну и звезды, и рассуждать с таким видом, словно он знает наверняка: когда-нибудь мы к ним наведаемся. Правда, была в его словах и печаль – ведь он понимал, что сам туда отправиться не сможет. Мы-то над ним посмеивались, считали: чепуха, это все для комиксов, а он только улыбался и в споры не ввязывался, как будто и в самом деле знал. – Маршал снова надолго умолк и наконец добавил: – Его бы порадовало известие, что внуку тоже хочется «за пределы».

– Спасибо, сэр. Приятно это слышать. – Сообразив, что мяч отпасован ему, Маятник спросил: – Он ведь погиб над Германией, верно, сэр?

– Берлин, август сорок четвертого, – ответил маршал ВВС. – Крупная операция. Возврался самолет. – Он вздохнул, опять уйдя в воспоминания: – Когда мы вернулись, я решил

проведать вдову, вашу бабушку. Красивая была девчушка, просто прелесть. Очень переживала. Потом куда-то уехала, и я ее потерял из виду. Она еще жива?

– Жива и здорова, сэр. Она снова вышла замуж... кажется, в сорок девятом.

– Что ж, отрадно. Бедная девочка! Ведь они обвенчались всего за неделю до его смерти.

– Всего за неделю, сэр? Я даже не знал...

– Вот так-то. Получается, что ваш отец, а следовательно, и вы едва-едва успели появиться на свет. Свадьбу сыграли чуть раньше, чем хотели поначалу. Может, у Маятника было предчувствие... Оно у многих из нас бывало, но чаще всего – ложное...

Трун не осмеливался нарушить очередную паузу, пока сам маршал не произнес, отогнав воспоминания:

– Вы тут указали, что одиноки.

– Так точно, сэр. – Маятник тотчас вспомнил о листе бумаги со специальным разрешением и чуть было не опустил голову – взглянуть, не торчит ли он из кармана.

– Разумеется, в анкете был такой вопрос, – сказал старик. – Значит, вы не женаты?

– Так точно, сэр, – повторил Маятник, и у него возникло неприятное ощущение, что карман стал прозрачным.

– И братьев нет?

– Нет, сэр.

Маршал ВВС рассудительно произнес:

– Официальная цель этого условия противоречит моему опыту. На войне я не замечал, чтобы женатые офицеры уступали в отваге холостым. Скорее наоборот. Следовательно, мы вынуждаем людей подозревать, что наше ведомство придает неоправданно большое значение проблеме пенсий и компенсаций. Вам по душе, когда талантливых офицеров чуть ли не на каждом шагу отговаривают от продолжения рода, а заурядным дают плодиться, как кроликам?

– Э-э... нет, сэр, – озадаченно произнес Маятник.

– Отлично, – сказал маршал ВВС. – Рад это слышать.

Под его пристальным взглядом Маятнику захотелось выложить разрешение на стол, и он едва удержался – все-таки благоразумие еще не окончательно его покинуло.

Старик решил перевести беседу в более официальное русло.

– Вы отдаете себе отчет, что эта служба требует исключительной секретности?

У Маятника отлегло от сердца.

– Сэр, все, с кем я тут разговаривал, очень на это упирали.

– А почему, вы знаете?

– В подробности меня не посвящали, сэр.

– Однако вы проницательный молодой человек, и у вас наверняка возникли кое-какие соображения.

– Ну что ж, сэр, насколько я могу судить по тому, что услышал и прочел об экспериментальных космических снарядах, недалек тот день, когда мы начнем строить нечто наподобие космической станции – вероятно, обитаемый спутник. Можно ожидать чего-нибудь в этом роде?

– Вполне, мой мальчик, и я рад заметить, что ваша дедукция немножко отстала от жизни. Космическая станция уже существует, точнее, все ее части. И некоторые из частей уже там. Ваша задача – помочь с монтажом.

Глаза Маятника распахнулись и зажглись восторгом.

– Сэр, это же здорово! Я даже не предполагал... Думал, до такого нам еще, как до... Надо же! Монтировать первую космическую станцию... – Он скомкал фразу и умолк.

– А я не говорил, что она первая, – заметил старик. – Вообще-то, есть и другие. – Увидев изумление на лице капитана, маршал сжалился и объяснил: – Не всегда следует принимать на

веру то, что видят глаза. В конце концов, мы же с вами знаем: американцы, да и те, не наши ребята, потрудились на славу – хотя нам ли тягаться с ними по части ресурсов?

Маятник был окончательно сбит с толку.

– Но я считал, сэр, что мы заодно с американцами!

– Конечно, против них мы не работаем, но так уж сложились обстоятельства, что наш народ запомнил их страсть к публичным выступлениям в политически выгодные моменты, а они не забывают кое-каких утечек информации по вине нашей контрразведки. И вот результат: мы идем разными путями и дублируем друг друга, мирясь с чудовищной потерей времени и сил. С другой стороны, у нас появился шанс встать в космосе на собственные ноги, если можно так выразиться, вместо того чтобы изредка бывать там на правах бедных родственников. Возможно, это когда-нибудь принесет плоды.

– Думаю, принесет, сэр. А не наши ребята?..

– О, эти тоже не сидят сложа руки. Известно, что еще сорок лет назад они трудились над автоматической станцией, но тогда американцы похитили у них славу, растрюбив на весь мир о своих успехах на этом поприще. Потом не наши ребята отыгрались, выведя на орбиту первый спутник. Дорого бы дало наше ведомство за любые новости о том, как далеко они с тех пор продвинулись.

Теперь что касается вас. Прежде всего – физическая и специальная подготовка...

Маршал пустился в подробности, но у Маятника в голове царил сумбур. Он глядел сквозь стены залитого солнцем кабинета и видел черное пространство в оспинах огня. Фантазируя, он ощущал, как плывет сквозь вакуум. Фантазируя, он...

Он спохватился: маршал ВВС уже молчал и глядел на него так, будто ждал ответа. Маятник попробовал собраться с мыслями.

– Сэр, искренне прошу прощения. Я не совсем уловил...

– Да, я уже понял, что теряю время, – беззлобно сказал старик. Он даже улыбнулся. – Мне не впервой видеть такие глаза. Быть может, когда-нибудь мне повезет, и вы, будучи в здравом уме и твердой памяти, сообразите объяснить, откуда у Трунов эта привычка впадать в гипнотический транс при одном упоминании о космосе. – Маршал встал, и Маятник мигом оказался на ногах. – Не забывайте насчет требований безопасности – это все совершенно секретно. О служебных делах даже супруга не должна догадываться... если, конечно, вам посчастливится ею обзавестись. Это понятно?

– Так точно, сэр.

– Ну что ж, до свиданья... э-э... Маятник. И – счастливого пути.

Чуть позже, сидя за стаканом виски в первом приглянувшемся баре, Маятник достал из кармана специальное разрешение на женитьбу и призадумался. Настало время попенять себе: внимательнее надо было слушать старичка, внимательнее, а не витать в заоблачных высях. Что он там говорил насчет спецкурса? Двенадцать недель на тренировки, на изучение станции – и по чертежам, и на макете. А после, кажется, в отпуск. Ой, а это хорошо ли? Если станция частично уже «там», не получится ли, что монтаж закончат раньше, чем Трун пройдет обучение?

Маятник не на шутку встревожился, но здравый смысл тотчас его успокоил: мыслимое ли дело – закинуть детали всем скопом в небо, а после уповать, что они там сами как-нибудь состыкуются? Э, нет, их необходимо возить мелкими партиями, а это и долго, и трудно, и совсем не дешево. Да, по части издержек станция легко заткнет за пояс самые грандиозные памятники истории. Одному Богу ведомо, сколько потребуется ракетных рейсов на орбиту, прежде чем наступит черед сборки.

Взгляд на проблему под таким углом качнул Маятника в другую крайность. Что, если сборка растянется на многие годы?.. Старик вроде упоминал о режиме работы... Маятник

порылся в памяти. Четыре недели – в космосе, четыре – на Земле, хотя это – ориентировочно, обстановка может потребовать коррективов.

Что ж, похоже, все складывается не так плохо...

Взгляд опустил на листок, который Маятник держал в руке. Безусловно, с точки зрения военных чинуш, подобная бумаженция не имеет права на существование. С другой стороны, если маршал авиации не считал нужным скрывать свое мнение о запрете... Когда тебе покровительствует, пускай негласно, такая шишка... Спрашивается, чего еще ждать? Действовать надо, действовать!

Он аккуратно сложил листок, опустил в карман и твердым шагом двинулся к телефонной кабине.

Маятник стоял в кают-компании, глядел в иллюминатор и угрюмо поглощал завтрак.

Кают-компания располагалась в Корпусе – а он, судя по всему (и в том числе по официальным памяткам), был единственным обитаемым местечком на тысячи миль окрест, служа конторой вкупе с общежитием для вахтовиков. Почти по всей длине его затененной стороны тянулся ряд иллюминаторов, открывая вид на Сборочную. Солнечная сторона тоже имела несколько иллюминаторов, но все они были закрыты светонепроницаемыми пластинами. На этой – фасадной – стороне Корпуса стояли по кругу параболические зеркала диаметром не более фута; у каждого оптическая ось проходила под точно рассчитанным углом. Когда солнце глядело прямо в центр круга, они пребывали в бездействии, но это всегда длилось недолго. Едва луч смещался на градус-другой, как под ним оказывалось то или иное зеркало, и в фокусе рождалось пекло. Вскоре слабый, невидимый выстрел пара исправлял своей отдачей положение Корпуса, и тот опять едва заметно качался в пустоте, пока не наступала очередь другого корректировочного рефлектора. И так – все время, кроме недолгих «ночей» в тени Земли. Поэтому вид из «подветренных» иллюминаторов никогда не менялся, они постоянно показывали орбитальную станцию в процессе сборки.

Маятник разломил булочку, еще хранившую жар печи, которую снабжало энергией самое крупное зеркало солнечной стороны. Большой кусок он оставил висеть в воздухе, а меньший намазал маслом. Положил в рот, рассеянно сжевал и взял кофейник – пластмассовую бутылку с горячим кофе. Позволил ей свободно витать перед собой и потянулся за недоеденной булочкой, не дав ей уплыть за пределы досягаемости. Все это делалось машинально, новизна таких штучек быстро выцвела на фоне орбитального быта и работы. Удобно, что ни говори, располагать вещи прямо в воздухе; это легко входит в привычку, и в отпуске, дома, избавиться от нее удается не сразу.

Перемалывая зубами сдобу, Маятник смотрел в иллюминатор и хмурился. Как бы ты ни восхищался проектом в целом, в последние дни смены тебя неизбежно одолевают тоска по дому и ощущение, будто ты не у дел. С Маятником так всегда бывало в конце вахты, а теперь – по особым причинам – нетерпение разгулялось вовсю.

Снаружи выпуклым занавесом на пол-окна висела Земля, но нельзя было разобрать, который из континентов обращен к Корпусу в эту минуту. Облака застили поверхность шара и рассеивали солнечные лучи, и так было почти всегда. Маятнику казалось, будто перед ним не планета, а сегмент жемчужины-великанши, что покоится на чернейшем бархате. Что же касается переднего плана сцены, то оным служило привычное глазу столпотворение.

Работа шла полным ходом. Был уже сварен каркас станции – колосовидная клетка из решетчатых ферм, сто сорок футов в диаметре, двадцать четыре фута высотой. Под беспрепятственно падающими лучами солнца каркас играл ослепительными серебристыми бликами. На него поставили несколько плит обшивки, и теперь крошечные человечки в округлых, как луковки, скафандрах протаскивали сквозь колоннаду ферм точно такие же листы металла.

Впечатление беспорядочности, захламленности усугубляла пронизывающая Сборочную паутина – страховочные и крепежные тросы тянулись во все стороны. Десяток, если не больше, тросов соединяли Корпус со Сборочной, и ни один человек, ни одна деталь, ни один инструмент не оставались надолго без привязи. Тросы висели свободно, если какой и натягивался, то лишь на секунду-другую; большинство непрестанно извивались, как разомлевшие змеи, остальные почти не шевелились. То и дело кому-нибудь из монтажников приходилось отрываться от работы – мягко тычась в фермы, к нему подбирался ящик с инструментами или деталь конструкции, получал легкий тычок и уплывал обратно, оставляя за собой изгибы троса.

В поле зрения Маятника появился большой цилиндр – часть установки для регенерации воздуха. Цилиндр неторопливо плыл от Корпуса к Сборочной. Пристегнувшийся к его оболочке человек в скафандре время от времени выпускал точно нацеленные струи пламени из широкоствольного пистолета. Он и его груз парили в безвоздушном пространстве, лишь синусоида тонкого страховочного троса соединяла их с Корпусом. И не имело значения, что при этом они летели вокруг Земли, преодолевая сотни миль ежечасно, – этого просто не осознаешь, как не осознаешь скорости, с какой несешься вокруг Солнца.

Маятник оторвался от трапезы, чтобы полюбоваться ловкостью человека с пистолетом. Со стороны-то все выглядит проще некуда, но кому доводилось это испытать, знает претолочно: чуть зевнешь – и прокувыркаешься всю дорогу вместе с грузом. Раньше такое часто бывало, но теперь самых криворуких спровадили на Землю. И все-таки достаточно малейшей оплошности, чтобы...

Удовлетворенно хмыкнув, Маятник вернулся к еде и раздумьям. Четыре дня. Еще четыре дня, и он – дома. И сколько еще рабочих смен до конца. Дело поставлено с размахом, заработки очень даже приличные. Правда, графики, вычерченные в комфортабельных земных кабинетах, на орбите сразу менялись. На ранних стадиях темп сборки оставлял желать лучшего. Чтобы на ходу исправлять огрехи «мудрых» проектировщиков, изобретали всевозможные приемы и приспособления. Серьезных причин для задержки было две: во-первых, кто-то из снабженцев составил дурацкое расписание грузоперевозок, а во-вторых, очередная партия ферм так и не прибыла и теперь, вероятно, летала вокруг Земли одиноким спутником – если только ее не ухитрились послать в открытый космос.

Работа в невесомости тоже открыла больше проблем, чем кто-либо ожидал. Конечно, в пустоте можно одним касанием пальца передвигать очень крупные и тяжелые предметы, так что необходимость в погрузочно-транспортной технике отпадает. Но, с другой стороны, любое действие встречает равное противодействие, и к этому надо постоянно принараиваться. Каждый раз, прежде чем применить силу, необходимо искать, за что бы зацепиться. Для человека привычка полагаться на собственный вес – почти инстинкт; чтобы избавиться от нее, а также выбросить из головы понятия «верх» и «низ», приходится без конца призывать сознание к порядку.

Маятник отвел взгляд от цилиндра и его перевозчика и проглотил последнюю струйку кофе. Затем посмотрел на часы. До заступления на вахту еще полчаса; двадцать минут – его, а потом надо будет надевать и проверять скафандр.

Он закурил сигарету и, поскольку больше заняться было нечем, вновь уткнувшись в иллюминатор, погрузился в мрачноватые мысли.

Когда он выкурил сигарету до половины, из динамиков внутренней связи раздался скрежет и вслед за ним слова:

– Мистер Трун, зайдите, пожалуйста, в радиорубку. Мистер Трун, для вас радиограмма.

Несколько мгновений Маятник недоуменно взирал на ближайший динамик, потом раздавил окурок о металлическую переборку и двинулся к выходу из кают-компания, шаркая магнитными подошвами. В коридоре, вопреки правилам, он оттолкнулся от двери и полетел, а

перед радиорубкой ухитрился одновременно схватиться за дверную ручку и поставить ноги на пол.

Радист поднял голову.

– Ну и скор же ты, Маятник, на подъем! Держи. – Он протянул сложенный лист бумаги.

Маятник взял и обругал себя в душе – рука предательски дрожала. Послание было кратким и незамысловатым:

«Лора и Майкл поздравляют с днем рождения».

Он простоял несколько секунд, глядя в текст, затем провел ладонью по взмокшему лбу.

Радист задумчиво смотрел на него.

– Забавные дела в космосе творятся, – прокомментировал он. – Помнится, мы твой день рождения ровно полгода назад отмечали. Впрочем, желаю здравствовать.

– А? Э-э... спасибо, – рассеянно отозвался Маятник и выбрался из рубки.

Майклом было решено назвать мальчика, девочку – Анной. Однако рановато – по меньшей мере, на две недели раньше срока... Впрочем, какая разница? Разве что самому хотелось бы присутствовать... «Поздравляют» – вот что важно. Это значит, оба здоровы.

Пока он царапал ответ, звякнула рында – пора на работу.

Через несколько мгновений Маятник несся по коридорам к экипировочному отсеку. Когда пришла его очередь, он подступил к краю воздушного шлюза, защелкнул на тресе-проводнике карабин страховочного фала, оттолкнулся от Корпуса обеими ногами и полетел к Сборочной. Для космического монтажника умение двигаться в невесомости – предмет особой гордости. Быстрый разворот всем телом (точно кошка в падении), и ноги упруго встречают конец пути.

Повинуясь «правилу номер один», гласившему, что ни на минуту нельзя оставаться без привязи, Маятник перестегнулся с проводника на местную навеску. Затем двинулся по ней на противоположную сторону каркаса, где шла сборка.

Заметив его приближение, один из рабочих повернул голову так, чтобы его слова погромче звучали в шлемофонах Маятника. Индивидуальные рации монтажников передавали узким лучом.

– Добро пожаловать, – сказал он. – Принимаю хозяйство. Учти, эта плитка – та еще капризуля.

Маятник подтянулся к нему вплотную, и они обменялись фалами.

– До встречи. – Монтажник ухватился за навеску и двинулся обратно тем же путем, которым прибыл его сменщик.

Маятник тряхнул страховочный фал, сгоняя петлю в сторону, и повернулся к «той еще капризуле».

Новая смена уменьшила мощность передачи – так удобнее общаться между собой. Монтажники посмотрели, что сделали их предшественники, прикинули, что сами успеют сделать, и взялись за работу.

Маятник оглядел плиту и развернул маркировкой к себе. Вопреки предупреждению сменщика, она несколько не упрямылась и легко скользнула на свое место. Он не удивился. К концу смены всегда устаешь и не так уж редко тупеешь.

Приварив плиту, Маятник решил передохнуть. Повернулся к Земле, поднял солнцезащитный фильтр, чтобы видеть ее как следует, во всей красе. Огромный мерцающий шар заполнял собой половину неба; на этот раз в облачном покрове тут и там зияли немалые бреши, и в них проступала синева – должно быть, океан, а может, и нет, ведь отсюда любая поверхность покажется синей; точно так же и космос, если смотреть с Земли в солнечный день, выглядит голубым.

Где-то там, на этом гигантском сияющем шаре, у него теперь сын. Воображение нарисовало Лору – как она лучится счастьем, прижимая к груди младенца. Маятник улыбнулся своим

мыслям, даже хихикнул. Вопреки запретам он обзавелся семьей, и если теперь пронюхают... Трун пожал плечами, очень сомневаясь, что только он один нарушает устав «космического монастыря».

И не то чтобы он был невысокого мнения о парнях из контрразведки, просто другие шишки под стать маршалу авиации, похоже, смотрят на такие вещи сквозь пальцы. Еще какие-то четыре дня...

Удар в спину прервал его раздумья. Он повернулся и увидел новую плиту – кто-то толкнул ее на Маятника, чтобы привлечь его внимание. Обхватив ногами ферму, он стал поворачивать плиту в нужное положение.

Через полчаса из Корпуса по узкому радиолучу донесся голос – такой громкий, что перекрыл голоса монтажников.

– Приближается неопознанный объект, – сообщил он и назвал ориентир.

Рабочие повернули головы в сторону Овна, пылавшего крупными звездами на фоне многочисленных искорок, однако не увидели ничего необычного.

– Не «снабженец»? – спросил кто-то.

– С какой стати? Нас не предупреждали.

– Метеорит? – с ноткой тревоги предположил другой монтажник.

– Не думаю. Радар засек его часа два назад, и с тех пор он слегка изменил курс. А это на метеорит не похоже.

– А в телескоп что, не разглядеть?

– Не успеваем. Корпус сильно качается, пытаемся его остановить.

– А может, прибыла партия ферм? Ну, тот «снабженец», что заблудился? Может, мы только сейчас попали в радиус его самонаведения?

– Вероятно, – сказал начальник в Корпусе. – Он взял курс прямо на нас, тут сомневаться не приходится. Если это «снабженец», то автопилот остановит его милях в двух. Придется кого-нибудь послать с тросом. Успеем, времени будет вдоволь. Ладно, парни, работайте, постараемся держать вас в курсе, когда поймаем его в телескоп.

Несущая волна оборвалась, и бригада монтажников, тщательно изучив окрестности, вернулась к работе. Миновал без малого час, прежде чем снова донесся голос из Корпуса.

– Алло, Сборочная! – Не дожидаясь ответа, начальник сообщил: – А штука-то эта, в Овне, непростая. И уж точно не груз ферм. Мы вообще не знаем, что это такое.

– На что же оно похоже? – спокойно поинтересовался один из рабочих.

– Ну, как описать... На большой круг, а по его краям, на одинаковых расстояниях друг от друга, три маленьких кружочка.

– Ну да?!

– Да, а больше ни черта не разобрать. Носом эта штукавина повернута к нам, а круги могут быть цилиндрами длиной в милю. Вот и все, что я могу сказать.

Головы в шлемах снова повернулись к Овну.

– Не видать ничего... Выброс из дюз есть?

– Ни единого признака. Похоже, он просто падает на нас. Подождите... – Начальник умолк на пять минут, а потом заговорил серьезнее: – Мы отослали в Центр описание объекта, попросили опознать его и сообщить нам. Вот, они ответили. Читаю: «Не снабженец точка Повторяю после вылета номера триста семьдесят семь ка корабли снабжения к вам не отправлялись точка Пентагон утверждает что объект ему неизвестен точка Повторяю Пентагону объект неизвестен точка Есть предположение, что это враждебный корабль или снаряд точка Примите меры предосторожности точка Конец связи».

Несколько секунд в эфире царило молчание. Монтажники только вертели головами, изумленно переглядываясь.

– Враждебный? Да тут все враждебное, дьявол его побери! – сказал кто-то.

– А есть у нас ракеты-перехватчики? – поинтересовался Маятник.

– Есть, – ответил голос из Корпуса. – В списке необходимого. По-прежнему в самом конце.

– Враги, – прошептал другой голос. – Но кто?

– А кто, по-твоему? Кому наша станция поперек горла?

– Враги, – повторил монтажник. – Как же так? Это же получается акт агрессии. Я в том смысле, ежели они нападут...

– Какой там, к черту, акт! – сказал второй монтажник. – Да кто хоть знает, что мы тут? Кто, кроме ведомства, да еще, как теперь выясняется, не наших ребят? Ну, нападут, ну, раздолбают – и что с того? Тишь да гладь по обе стороны. Даже протестов не будет... Тишь да гладь!

– Что-то вы, парни, спешите с выводами. А ведь никто еще не знает, что это за хреновина.

«Пожалуй, он прав, – подумал Маятник в адрес начальника. – Но и ребят можно понять. Ну что могло чисто случайно залететь именно в наш уголок пространства? А раз не случайно, раз объект не от нашего ведомства, значит, это либо разведчик, либо диверсант».

Он опять повернул голову и окинул взглядом мириады солнц, плававшие в темноте. Первый отклик на новость был абсолютно верен. Здесь все – враждебное. На мгновение он остро почувствовал неприязнь окружающего пространства... Что-то подобное Маятник испытал, когда впервые заставил себя выпрыгнуть из воздушного шлюза – в ничто... Воспоминание успело поблекнуть, но теперь он снова – в чуждом мире. Самонадеянная козявка, покинувшая родную среду обитания, без всякой на то необходимости препоручившая себя капризному року. «Странно, – подумал он мимоходом, – надо было заподозрить людей в агрессивных намерениях, чтобы вновь ощутить великую враждебность природы, ни на миг не спускающей с нас ледяного взгляда».

Маятник оторвался от раздумий. Вокруг по-прежнему разговаривали. Кто-то осведомился насчет скорости объекта. Корпус ответил:

– Трудно установить. Разве что очень приблизительно... Он же на нас идет. Похоже, скорость не намного выше нашей. Вряд ли разница больше двухсот миль в час, вполне возможно, что и меньше. Да вы его сейчас увидите, он уже ловит земной свет.

Но пока в секторе Овна не было заметно никакого движения.

Кто-то сказал:

– Шкип, а не лучше ли нам вернуться на борт?

– Не имеет смысла... тем более что эта штуковина идет прямехонько на Корпус.

– Верно, – согласился кто-то и тихо пропел: – «И нет убежища нигде...»

Монтажники возобновили работу и лишь изредка бросали взгляды в темноту. Спустя десять минут двое хором воскликнули, заметив крошечную вспышку среди звездной пыли.

– Коррекция курса правой вспомогательной дюзой, – сообщил голос из Корпуса. – Теперь ясно одно: штуковина идет на нас. Ага, занесло ее чуток... Сейчас исправит.

Монтажники пристально смотрели. Вскоре почти все увидели мгновенный выброс пламени – объект выравнивал траекторию полета.

Кто-то выругался:

– И мы тут, как голуби на привязи... Управляемый бы снарядик на перехват!.. Эх, жаль, ни одна ученая голова об этом не позаботилась...

– А как насчет кислородного баллона? Поставить на него прибор самонаведения от «снабжения», и пусть дует навстречу.

– Неплохая идея. К ней бы еще денек, чтобы установить прибор...

Вскоре объект попал в яркий свет Земли, и люди поняли, где он находится, хоть и не могли пока разглядеть его форму. Начальник в Корпусе и бригадир монтажников посоветовались и решили не возвращать бригаду на борт. Если объект – на самом деле управляемый снаряд и рассчитан на взрыв при контакте или тесном сближении с целью, то ситуация безнадежна,

где бы ни находились люди. С другой стороны, при попадании снаряд может и не взорваться, и тогда монтажники, оставшиеся снаружи, немедленно окажут Корпусу возможную помощь.

После этого рабочие в скафандрах двинулись сквозь паутину ферм к Корпусу. Там они оставили тросы-проводники и пристегнулись к страховочным, соединенным с обшивкой, чтобы, если понадобится, быстро подтянуться к ней. И застыли в напряженном ожидании – сюрреалистическая гроздь карикатурных фигурок, приклеенных к обшивке Корпуса магнитами подошв и стоящих под самыми невообразимыми углами.

«Корабль или снаряд» медленно увеличивался в размерах, и вскоре было уже нетрудно разглядеть описанный начальником силуэт – большой круг в обрамлении трех маленьких. То и дело мелькали вспышки – это вспомогательные дюзы корректировали курс.

– По облику и малой скорости, – раздался бесстрастный голос начальника, – я могу предположить, что эта штукавина – полуракета-полуторпеда, наподобие самонаводящейся мины. Судя по тому, как она на нас наводится, взрывное устройство – контактного типа. Начинка снаряда химическая или ядерная. Для ядерной сгодился бы и неконтактный взрыватель, а кроме того, ядерный взрыв был бы замечен с Земли. Для химического взрыва в наших условиях необходима максимальная концентрация энергии, то есть контакт.

Оспаривать доводы начальства, очевидно, не был расположен никто. Не возникало сомнений, что объект нацелился на станцию. Он шел почти по идеальной прямой и был виден только анфас.

– Установлена относительная скорость, – добавил начальник. – Примерно сто двадцать миль в час.

«Медленно, – подумал Маятник. – Очень медленно. Это, наверное, чтобы сохранить маневренность, если цель попытается уклониться».

И никто не мог ничего поделать. Оставалось только стоять на месте и ждать.

– Расчетное время контакта – пять минут, – тихо сказал голос из Корпуса.

Теперь строжайшие требования контрразведки Маятник увидел в новом свете. До сих пор он принимал как должное, что цель секретности – в удержании инициативы. Это же ясно: когда сосед уже монтирует станцию, а твоя пока существует только на чертежной доске, ты будешь лезть из кожи вон, чтобы догнать соседа. А он, конечно, предпочтет скрытничать, даже удивление изобразит – мол, бросьте, о чем вы говорите, это же форменная утопия!.. И его можно понять. Конструирование станции – дело тонкое, спешка тут вовсе ни к чему. Но мысль о диверсии на недостроенной станции никогда не приходила Маятнику в голову.

Вдруг это действительно снаряд, и вдруг он попадет в Корпус? Никто не выживет... И что будет, когда разъяренное ведомство попытается изобличить агрессора? Не наши ребята только плечами пожмут – что? мы? помилуйте, да откуда мы знать-то могли о существовании вашей станции? Вероятно, это несчастный случай... которым кое-кто, по всей видимости, готов воспользоваться, чтобы развязать кампанию злобной клеветы и тем самым уклониться от ответственности...

– Три минуты, – сообщил начальник.

Взгляд Маятника оторвался от ракеты-торпеды, пробежал кругом и остановился на Луне, поднявшейся из-за голубой жемчужины Земли. Сплошь покрытая шрамами, но безмятежная, висела она в небе четкой сияющей монетой, а может быть, серебряной медалью, что ждет своего героя. Героя следующего прыжка.

А пока – только маленький скачок на десять тысяч миль, чтобы там соорудить трамплин для броска миль этак на двести двадцать четыре тысячи. Будут и другие прыжки, будут обязательно, хоть Маятник до них и не доживет. На его век хватило бы и Луны.

– Луна, – прошептал Маятник. – Слева – луна, справа – закат, луна мне сестра, закат мне брат².

Внезапно его затрясло от гнева. Глупцы, ничтожества, гнусные интриганы, они готовы сорвать грандиознейшее деяние человечества ради сиюминутной политической выгоды! Что будет, если им это удастся? Рискнет ли когда-нибудь правительство Англии начать все сызнова? Не получится ли так, что народы-соперники ограничатся срывом любых попыток строительства чужих космических станций? Не станет ли это концом великой мечты? Не окажется ли человеческая раса на веки вечные прикованной к Земле, не погрязнет ли она в тщете и безысходности?

– Две минуты.

Маятник снова посмотрел на снаряд. Он вихлял чуть сильнее, чем прежде, – достаточно, чтобы мельком видеть его бока. Некоторое время Маятник с любопытством разглядывал незнакомый объект. По всей видимости, траектория полета становилась все более изломанной, – вспомогательные дюзы срабатывали намного чаще, и пламя било дольше.

– Что за проблемы у этой штуковины? – поинтересовался кто-то. – Наведение, что ли, барахлит?

Охваченные недоумением и страхом, монтажники смотрели на объект, а он вилял все размашистее, все яростнее плевали огнем вспомогательные дюзы. Вскоре его уже мотало так, что перед глазами рабочих то и дело появлялся профиль – массивное каплевидное «туловище» с тремя каплевидными же придатками основных дюз. Перпендикулярно к их поверхности радиальными гроздьями торчали маленькие корректировочные дюзы. Принцип действия снаряда был теперь понятен: как только прибор самонаведения ловит цель, основные дюзы срабатывают на миг, чтобы толкнуть снаряд вперед, а дальше он движется по инерции, и вспомогательные дюзы время от времени выправляют его полет. Не столь понятным было другое: почему, чем ближе к станции, тем больше движение объекта смахивает на танец пьяного дикаря.

– А, черт! – прошептал бригадир монтажников. – Чего это он, гад, носом крутит?!

– Потому что это не он, а оно. – В голосе начальника вдруг появилась надежда. – Оно крутит носом. Оно сбито с толку. Все дело в массе, неужели не ясно? По массе Корпус и Сборочная примерно равны. И дистанции от них до объекта одинаковы. Вот компьютеры и растерялись, не знают, что выбрать. Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Если он не выберет в ближайшие секунды, то уже не сможет вовремя произвести коррекцию.

Монтажники по-прежнему зачарованно смотрели на объект. Его скорость немного упала – он неистово вихлял, а вспомогательные дюзы не только корректировали курс, но и тормозили. На полминуты затянулось молчание, затем кто-то шумно выдохнул и сказал:

– Шкипер прав. Похоже, оно промажет.

Остальные тоже дали волю легким, и в шлемофонах прозвучал громкий хоровой вздох облегчения. Никто уже не сомневался, что снаряд пройдет точно между Корпусом и Сборочной.

В последней отчаянной попытке исправить курс вспомогательные дюзы левого борта дали залп, от которого снаряд закружился вокруг собственной оси.

– Сейчас он нам вальсок отпляшет, – произнес кто-то.

Все ближе, ближе обезумевший снаряд, и вот, плюясь во все стороны огнем, он просверливает пустоту между Корпусом и Сборочной...

Но Маятник этого уже не видел. Его рвануло с чудовищной силой, голова треснула о пластик шлема, и перед глазами запрыгали искры. Несколько секунд он ничего не соображал, затем до него дошло, что он уже не пристегнут к Корпусу. В ужасе он пошарил вокруг руками

² Из стихотворения «Раннее утро» английского поэта Хилэра Беллока.

и, не обнаружив ничего, с натугой разлепил веки и стряхнул с глаз пелену. И сразу увидел Корпус и недостроенную станцию – мерцающая, они быстро уменьшались.

Брыкаясь в пустоте, Маятник ухитрился повернуться кругом. Понадобилось несколько секунд, чтобы разобраться в ситуации. Он плыл в космосе, сопровождаемый стайей мелких фрагментов станции и двумя людьми в скафандрах, а совсем неподалеку снаряд, опутанный паутиной тросов, все вертелся, дергался и плевал огнем. Постепенно Маятник сообразил: на пути снаряда оказалось с десятков, а то и больше, крепежных и страховочных тросов, и теперь они буксировали прочь все то, что находилось на их концах.

Он закрыл на минуту глаза. Под черепом глухо стучало. Правая сторона лица, похоже, была в крови. Оставалось лишь надеяться, что рана невелика. Если крови будет много, она, свободно летая в шлеме, может попасть в глаза.

В шлемофоне раздался голос начальника:

– Отставить разговоры! – Подождав, он окликнул: – Эй, на снаряде! Как там у вас дела?

Маятник облилизал губы и сглотнул.

– Алло, шкипер! Это Маятник. Шкип, у меня все в норме.

– По твоему голосу этого не скажешь.

– Мутит немножко. Башкой о шлем стукнулся. Ничего, сейчас полегчает.

– Как там остальные?

Ответил обморочный голос:

– Шкипер, это Нобби. У меня тоже вроде все в порядке. Тошнит, правда, как с похмелья.

Насчет третьего не в курсе. Кто он?

– Должно быть, Доббин. Эй, Доббин, как дела?

Отклика не последовало.

– Шкип, нас здорово дернуло, – сказал обморочный голос.

– Как с воздухом?

Маятник взглянул на шкалы:

– Подача в норме, резерв тоже цел.

– У меня резерва не видно, – сказал Нобби. – Может, пробоина. Но четыре часа – мои.

– Давайте, ребята, отцепляйтесь и дуйте назад на ручных дюзах, – сказал начальник. –

Ты, Нобби, сразу. Маятник, у тебя с воздухом получше. Сможешь подобраться к Доббину? Если сможешь, бери на фал и тащи к нам. Справишься?

– Справлюсь, наверное.

– Послушайте, шкип...

– Нобби, это приказ, – оборвал начальник.

Пиная пустоту, Маятник перевернулся кверху ногами и увидел, как один из людей в скафандрах ощупывает свой пояс. Вскоре от него отделился и поплыл в сторону страховочный фал, но человек не спешил покидать стаю обломков. Он достал из кобуры похожую на пистолет ручную дюзу и поднял перед собой на вытянутых руках, легонько болтая ногами, чтобы Корпус переместился к нему за спину и в зеркальном прицеле появилось его отражение. Дюза вспыхнула, и Нобби полетел прочь – сначала медленно, но все набирая скорость.

– До встречи, Маятник, – попрощался он. – Яичница с ветчиной?

– Не забудь с обеих сторон обжарить!

Маятник достал свой пистолет. Когда в зеркальце появилась вторая человеческая фигура, он на долю секунды коснулся спуска, а еще через несколько секунд доложил:

– Шкип, боюсь, старина Доббин готов. Впрочем, он не мучился. Огромная дырища в левой ноге скафандра. Тащить назад?

Начальник поколебался.

– Не надо, Маятник, – решил он – Лишний риск. Он бы этого не одобрил. Отстегни, и пусть летит, бедолага. Забери у него резервный баллон, да и пистолет прихвати, и догоняй Нобби.

Наступило краткое молчание, затем Маятник прошептал:

– А вот это уже забавно.

– Что тебе там забавно? – встревожился начальник.

– Секундочку, шкип.

– Маятник, в чем дело?

– Тросы натягиваются, шкипер. Минуту назад я и весь этот хлам неслись одной толпой со снарядом, а теперь, сдается, он идет на отрыв. Странно. И вы не там, где должны быть. Ага, понял: эта штуковина делает разворот и тянет нас за собой. Так, отпускаю старину Доббина. Что-то он не туда летит, в другую сторону... Должно быть, широкая траектория поворота. Трудно понять, что затеяла эта чертовка. Много коротких вспышек – выравнивается... Что-то я не возьму в толк, шкип. Весь мусор, что на буксире, и я в том числе, слетается в одну кучу, тут ни черта не разберешь.

– Ты лучше отстегивайся и чеши подальше.

– Минуточку, шкип. Я посмотреть хочу. – Голос Маятника звучал рассеянно. – Да, да. По дуге идет, и так уверенно...

Маятник висел на конце страховочного троса, смотрел на медленно проплывающие мимо созвездия и разворачивался сам – тоже медленно. От всего этого голова шла кругом. Компьютеры снаряда избавились от элемента случайности, который был внесен появлением второй цели. Он выровнял полет и теперь четко, уверенно менял направление. Он определенно взялся за старое. Радар обнаружил цель, которую не удалось поразить из-за временного помешательства, и ничто уже не препятствовало ракете сделать новую попытку. Где-то под толстым панцирем металлической капли таились реле, готовые заработать, как только прибор самонаведения возьмет цель. И тогда залп основных дюз снова пошлет ракету в атаку.

Маятник стал подтягиваться к ней на руках по страховочному тросу, расталкивая в стороны обломки.

– В чем дело? Ты что, еще не отцепился? – спросил начальник.

Маятник не ответил. Он приблизился к ракете и, хотя центробежная сила по-прежнему тащила его в сторону, смог дотянуться ногой и пнуть, чтобы отлететь подальше от вспомогательных дюз. Затем придвинулся по тросу и обхватил руками одну из пластин, соединявших дюзы с корпусом снаряда. За эти-то три пилона и зацепились тросы, когда ракета промчалась через станцию. Маятник нашел в их путанице петлю, которая выглядела достаточно прочной, и привязал к ней свой фал.

– Маятник, какого дьявола ты там делаешь? – спросил начальник.

– Я на ракете, шкип.

– Боже правый! Ты на этой штуковине?! Слушай, я же ясно сказал: отцепись. Приказывать надо, что ли?

– Шкип, надеюсь, вы этого не сделаете. А если прикажете и я подчинюсь, то мне, скорее всего, некуда будет возвращаться.

– Ты к чему клонишь?

– Видите ли, эта милашка, похоже, затеяла еще разок попытать счастья.

– Что? Ты уверен?

– Боюсь, что да. Ума не приложу, что еще она может делать. Идет по ровной дуге, и если я правильно разгадал ее намерение, то какой резон с ней расставаться?

– Что ты имеешь в виду?

– Понимаете, если остаться тут, можно испечься, когда она шархнет из основных дюз. А если прыгнуть, то медленная смерть в скафандре – тоже не ахти какое удовольствие. Зато можно доехать зайцем до дома. Если она промажет, я отцеплюсь, а если нет... Один конец.

– В логике тебе не откажешь, а только все равно мне это не по нутру. Что она сейчас делает?

– Все еще разворачивается. Вы – по левому борту. Еще градусов двадцать. Да вы и сами должны бы видеть.

– Да, мы тебя поймали радаром, но в телескоп никак не разглядеть. Далековато, к тому же против солнца.

– Ясно. Постараюсь держать вас в курсе, – пообещал Маятник.

Он двинулся вперед по корпусу ракеты. В обшивке хватало железа, чтобы слегка притягивать магнитные подошвы.

– Все еще разворачивается, – доложил он. – Медленно, но верно. – И добавил: – У нее на носу уйма всяких стержней и прочих выступов. Пять больших и несколько маленьких. Что это такое – одному Богу известно. Может быть, тут радар.

– Да, с ограниченным радиусом действия, – предположил начальник. – Иначе бы она унеслась взрывать Луну или Землю. Похоже, кое-кто хорошо знает высоту и плоскость нашей орбиты. Располагая этими цифрами, совсем нетрудно добиться, чтобы ракета рано или поздно нас отыскала. Ты не попробуешь уточнить, который там – радар, а? Не мешало бы по нему хорошенько врезать.

– Вся беда в том, что я в жизни не видел ничего похожего на эти штуки, – посетовал Маятник. – Вряд ли будет толк, если я ошибусь и врежу по взрывателю.

– Не теряй времени, выясняй. Что она сейчас делает?

– Почти развернулась. Еще три-четыре градуса.

Он съехал чуть-чуть назад, туда, где можно было обхватить руками пилон основной дюзы. Прекратилась мелкая вибрация, шедшая от вспомогательных дюз правого борта, но тотчас слева началась такая же дрожь.

– Разворот закончен, – сказал Маятник. – Вы в прицеле.

Он застыл в ожидании, держась изо всех сил руками и ногами. Основные дюзы дохнули огнем. Последовал рывок – ракету задержали натянувшиеся тросы. Снова вспышка – снаряд и его груз мотнуло взад-вперед, но только один трос сорвался, и висящий на нем кусок фермы кувырком полетел прочь. Остальные обломки только подергались да поизвивались их тросы, а затем вся куча мала двинулась новым курсом, к далекому Корпусу, чуть медленнее, чем при первой атаке ракеты.

– Шкипер, идем на вас, – сказал Маятник. – Я сейчас полезу вперед, попробую найти радар.

На носу ракеты он еще раз по очереди заэкранировал все выступы руками в перчатках. Это не дало заметных результатов. Тогда он слегка удлинил страховочный трос и свесился перед носом ракеты, чтобы заслонить собой как можно больше поверхности. И опять – никаких отклонений от курса.

Маятник еще раз оглядел выступы. Один из них походил на миниатюрный аккумулятор солнечной энергии, о предназначении других оставалось только догадываться. Впрочем, можно было с уверенностью предположить, что некоторые из них передают информацию автопилоту.

Он снова оседлал нос ракеты. Хотелось курить, – раньше это желание посещало его редко.

– Будь я проклят, шкип, если хоть что-нибудь соображаю. Тут сам черт ногу сломит.

Его взгляд устремился в испещренную блестками мглу позади Корпуса и Сборочной, которые висели точно по курсу и яркостью уступали разве что солнцу.

– Шкипер, я лишь одно хочу сказать, – произнес Маятник. – Сдается мне, третьей попытки не будет. Она так развернулась, что вы и Сборочная теперь на одной линии с ней.

– Неужели нельзя как-нибудь обездвигнуть или обезоружить эту гадину! Посмотри еще раз на стержни, может, вывинтить удастся.

– Один-два вроде на резьбе, только у меня нет с собой ключей, да и плоскогубцы потерялись.

Маятник вновь переместился вперед, как мог надежнее устроился на носу ракеты и попытался отвинтить руками в рукавицах ухватистую деталь. Напрасная трата сил! В конце концов он сдался и, пока переводил дух, глядел вперед. Ракета шла точнехонько на цель, легкие толчки коррекции едва ощущались. Судить о дистанции было трудно, но едва ли она превышала двадцать миль. Считанные минуты...

Маятник обнаружил, что со лба стекает пот и жжет уголки глаз. Он потряс головой и заработал веками, выжимая капли. Затем неуклюже съехал обратно на пилон основной дюзы. Сел, как можно надежнее привязался страховочным фалом, уперся в бок дюзы ногами, прижался спиной к корпусу ракеты, вытащил ручные дюзы – собственную и Доббина – и поставил на максимальную мощность. Затем направил перед собой широкие стволы и упер рукоятки в обшивку ракеты. И весь обратился в ожидание.

– Маятник! Прыгай сейчас же! – приказал начальник.

– Шкип, я же сказал: мне не улыбается медленная смерть в скафандре.

Казалось, Корпус и полузаслоненная им Сборочная несутся к нему на сумасшедшей скорости. У Маятника вдоль позвоночника бежал зуд – из-за пота, а еще из-за мыслей о сотнях килограммов взрывчатки, отгороженных от его тела только жалким листом металла. Мысли эти все назойливей лезли в голову, за ними рвался страх перед огромной разрушительной силой, ожидающей лишь удара, который ее освободит.

Из каждой поры сочился пот, пропитывая одежду. Маятник сидел, повернув голову направо, и, преодолевая резь в глазах, смотрел, как растет, приближается Корпус. «Не спеши, – велел он себе. – Слишком рано – нельзя. Но и опоздать не годится».

В шлемофоне снова зазвучал голос, но Маятник не обратил на него внимания. На какой дистанции надо действовать? В милю? Или это слишком далеко? Нет, пожалуй, в самый раз.

Он ждал, сжимая рукоятки дюз.

До Корпуса еще мили две...

Он стиснул зубы и на миг отжал спусковые крючки. Ракета дернулась сильнее, чем рассчитывал Маятник, и опрокинулась набок, как оступившийся танцор. Но тотчас сработали корректировочные дюзы, нос двинулся обратно к цели и... ушел далеко в сторону! Пыхнули дюзы по левому борту, чтобы скомпенсировать перехлест, однако в тот же миг Маятник нажал оба спуска да так и оставил их. Двойная вспышка пистолетов усилила импульс вспомогательной дюзы, ракета вильнула и сразу же сильно отклонилась от курса. Над головой Маятника пронеслись по дуге созвездия; он поискал диким взглядом Корпус и обнаружил его у себя за левым плечом, не далее чем в миле. И взмолился, чтобы ракета опоздала с коррекцией...

Если бы это происходило в земной атмосфере и если бы снаряд обладал плоскостями для опоры на воздух и управления полетом, он бы успел вернуться на прежний курс, но в космосе любое движение – штука очень деликатная, а время – исключительно важный фактор. Невозможно единым махом вернуть потерянное равновесие. Угол отклонения от курса рос с каждой секундой, и Маятник вскоре понял, что ракета уже не может ничего исправить. Только основные двигатели обладают достаточной мощностью, чтобы одним толчком развернуть ракету на цель, но они, судя по всему, предпочитали срабатывать, когда ракета находилась в покое и в ее прицеле виднелась мишень.

Впрочем, вспомогательные дюзы не сдавались. Маятник изо всех сил старался удержаться на ракете, а она все вращалась и заставляла кружиться небеса. Ярдах в пятидесяти расплывчатым пятном промелькнул Корпус...

– Готово! Отличный курбет, Маятник.

– Эй, парни, а ну утихните! – рявкнул начальник. – Маятник, это и вправду было шикарно. А теперь можешь уходить. Прыгай скорее!

Все еще сжимая в руках трос, Маятник расслабился. Страх отступил. Мечась из стороны в сторону, ракета уносилась в космос вместе с ним.

– Маятник, слышишь меня? Прыгай!

– Шкип, я вас слышу, – устало сказал Маятник. – Но в дюзах маловато горючки, вряд ли дотяну.

– Ерунда! Тормози тем, что осталось, мы тебя выловим. Только не тяни резину.

Наступила тишина, затем прозвучал усталый голос Маятника:

– Простите, шкип, но ведь мы не знаем, чем теперь займется наша малютка.

– О Господи! Маятник!

– Простите, шкип. Боюсь, я вынужден взбунтоваться.

Маятник закрыл глаза и попытался отдохнуть. Его мутило от качки, от вида мечущихся туда-сюда созвездий. Сил совершенно не осталось. Жутко болела голова, вся одежда пропиталась потом. Он сидел неподвижно, пока не ощутил, что трос, который удерживает его на месте, больше не провисает от толчков.

Он разлепил веки и увидел, что летит напрямик на Луну. Она медленно проплыла влево, а справа вздыбился огромный горб Земли.

– Опять разворачивается, – уныло проговорил Маятник. – Слушайте, у нее когда-нибудь выйдет топливо?

Он опустил глаза и обнаружил, что по-прежнему сжимает рукояти дюз. Позволив им болтаться на ремешках, он руками в перчатках нашарил страховочный фал. Спустя некоторое время удалось распустить узел, и Маятник снова залез на корпус ракеты. Она уже шла совершенно уверенно; разворачивая ее, дюзы правого борта то и дело плевались пламенем. Едва ли можно было сомневаться, что она изготавливается к очередной атаке.

Маятник добрался до носа, устроился верхом, держась за металлические стержни, перевел дух и огляделся. Под левой ногой висела голубая жемчужина, на нее уже напозла ночная тень. В вышине справа полыхало солнце. Слева над головой покоилась на черном янтаре с вкраплениями алмазной пыли мертвенно-бледная луна. Слева сбоку к носу ракеты медленно смещались по дуге Корпус и мерцающая паутина ферм, которая могла бы когда-нибудь вернуться в космическую станцию.

Он еще раз опустил взгляд на гигантский шар, что полз под левой ступней, и несколько секунд пристально смотрел, затем поднял правую руку к рычажку на поясе и немного увеличил подачу воздуха.

– Ш-кипер!

– Слышу, Маятник, – откликнулся начальник. – Только что сумели навести на тебя телескоп. Что ты там делаешь?

– Хочу как-нибудь ослепить эту упряму. Тут передо мной короткий и толстый стержень, надо бы по нему врезать. Видите?

– Да, вижу. А ты уверен, что он от радара?

– Вполне уверен, шкип.

– Врешь ты, Маятник. Оставь его в покое.

– Может, получится маленько загнать в корпус. Лишь бы сбить ее с толку...

– Маятник!

– Шкип, я знаю что делаю. Все, приступаю.

Маятник расположился поудобней, зажав под коленями два выступа, поднял над головой ручные дюзы и изо всех сил обрушил их рукояти на короткий, толстый стержень. После пяти-шести ударов он признался, тяжело дыша:

– Без толку. Ни царапины, будто спичками тычешь. – Еще выше поднял рычажок воздухоподачи и зажмурил глаза, изгоняя из них пот.

Ракета описывала широкую дугу. Еще двадцать градусов, и она снова встанет на линию удара.

– Попробую еще разок, – пробормотал Маятник, поднимая пистолеты.

Начальник увидел в телескоп, как Маятник принялся бить по одному из тонких стержней. Правой, левой, правой, ле...

Вспыхнуло пламя – такое яркое, что резануло по глазам. И все. Только эта беззвучная вспышка – мгновенная, но жаркая, как солнце.

Спустя секунду телескоп не показывал ничего, кроме густой мглы с крошечными равнодушными блестками в тысячах световых лет от Земли...

Расстелив депешу на столе, маршал ВВС задумчиво изучал ее несколько долгих минут. Его мысли погрузились на полвека в прошлое, в ту ночь, когда другой Маятник Трун не вернулся на базу. Одна судьба и для деда, и для внука... Но тогда было легче. Тогда шла война, а с войны возвращаются не все.

Маршал чувствовал себя старым. Он и был старым. Даже, пожалуй, слишком старым. Если бы после войны не изменились требования к генеральскому составу, он бы уже лет десять «пылился на полке». Но все-таки он – в строю, и он сам сообщит этой бедной девочке, точно так же, как давным-давно сообщил другой. До чего же коротким будет его рассказ... Пропал без вести, выполняя секретное задание. Какая жестокая пустота в этих словах...

Позже, конечно, она узнает все – когда контрразведка сочтет возможным открыть информацию. Уж он то об этом позаботится. Добьется любой ценой... За беззаветную храбрость... Крестом Виктории, не меньше... Никак не меньше...

Он еще раз взглянул на расшифрованное донесение контрразведки о событиях минувшего дня.

«Объект направил радиограмму на имя Труна. «Лора и Майкл поздравляют с днем рождения». (Примечание: предположительно кодированное известие о том, что вчера вечером у объекта родился ребенок мужского пола. Основания для такого вывода: а) день рождения Труна восьмого мая; б) он дал ответ: «Обожаю вас обоих».)»

Маршал авиации вздохнул и скорбно покачал головой.

– По крайней мере, он знал, что у него мальчик, – прошептал старик. – Это хорошо... А то старый Маятник даже не подозревал, что стал отцом. Надеюсь, они еще встретятся... там. Они наверняка поймут друг друга.

Луна, 2044 год

Кто-то дважды стукнул в дверь из легированной стали. Казалось, стоявший к ней спиной и глядевший в окно начальник станции ничего не услышал, но, едва повторился стук, он обернулся.

– Войдите, – произнес он блеклым, нерадушным тоном.

Вошла женщина – высокая, прекрасно сложенная; ее годы – под тридцать – слегка бросались в глаза из-за аскетической строгости лица, которую, правда, несколько сглаживали светло-каштановые локоны. Особенно хороши были голубовато-серые глаза – удивительно красивые, спокойные, светящиеся умом.

– Доброе утро, командер, – по-уставному четко, отрывисто поздоровалась она.

Подождав, пока закроется дверь, он предупредил:

– Так и без друзей остаться недолго.

Она легонько покачала головой:

– Я исполняю свой долг. К врачам тут отношение особое. Кое в чем имеем привилегии, зато в другом нас и за людей-то не считают.

Женщина прошла в глубь комнаты, и он, глядя на нее, в который раз задался вопросом: почему она здесь? Потому что шелковый мундир офицера Космических Сил идеально подходит к ее глазам? В любом другом месте она бы гораздо быстрее выросла в чине. И все-таки форма великолепно подчеркивала изящество ее фигуры.

– Мне не предложат сесть?

– Разумеется, вы можете присесть, если угодно. Я думал, вы предпочитаете стоять.

Плавной поступью, которая в космосе быстро становится привычной и естественной, она подошла к креслу и уселась. Не сводя глаз с лица командера, достала пачку сигарет.

– Прошу прощения. – Он поднял со стола портсигар, раскрыл и протянул ей.

Женщина взяла сигарету, прикурила от поднесенной им зажигалки и неторопливо выдохнула дым.

– Итак, в чем ваша проблема? – спросил командер с оттенком раздражения.

Посмотрев ему прямо в глаза, она ответила:

– Майкл, ты отлично знаешь, в чем моя проблема. В том, что дальше так продолжаться не может.

Он нахмурился:

– Элен, я тебя об одном прошу: не вмешивайся, сделай милость. Если и остался среди нас человек, не увязший с головой в дрызгах, то это ты.

– Чепуха! Никого не осталось. Как раз потому, что я тоже увязла с головой, я и решила с тобой поговорить. Должен ведь кто-то объяснить тебе, что нельзя ждать сложа руки, когда грянет гром. Нельзя сидеть и дуться, как Ахиллес у себя в шатре.

– Неудачное сравнение, Элен. Я не ссорился со своим начальником. Это они ссорятся со своим – со мной.

– Майкл, люди смотрят на это иначе.

Он отвернулся и подошел к окну. В ярком сиянии Земли его лицо казалось неестественно бледным.

– Я знаю, как они на это смотрят. Они даже не считают нужным скрывать свои чувства. Между нами вырос айсберг. Начальник станции теперь неприкасаемый. Вспомнились все старые обиды. Я сын Маятника Труна, баловень судьбы, попавший сюда благодаря отцовской славе. По той же причине я все еще здесь в свои пятьдесят, хотя еще пять лет назад должен был

списаться на Землю и не стоять на дороге у молодых офицеров. Всем известно, что я на ножах с полудюжиной политиков и большинством чинов из Космического Дома. Моим доводам не верят, ведь я энтузиаст, фанатик с одной извилиной в голове. Меня бы давно вышвырнули из космонавтики, если бы не боялись общественного мнения... Опять же, вот оно, отцовское наследство. А теперь еще и это...

– Но почему же ты, Майкл, – тихо произнесла она, – ждешь, когда тебя затынет? Что за этим стоит?

Несколько секунд он пристально смотрел на нее, затем спросил с подозрением в голосе:

– Что ты имеешь в виду?

– Только то, о чем я спрашиваю. Что стоит за этой так не свойственной тебе патетикой? Ты же отлично знаешь, иначе не соответствовал бы должности, и года бы на ней не продержался. Отправился бы в канцелярию штаны протирать. А что касается остального, то по большей части ты прав, но ведь жалеть себя – вовсе не в твоем характере. Ты бы мог преспокойно снимать пенки и почивать на лаврах до конца дней своих и все же не стал этого делать. От отца тебе досталась прославленная фамилия, однако имя ты сделал себе сам, – и превратил его в оружие. Мощное оружие, с таким невозможно не нажать врагов, а у врагов есть привычка злословить. Но и тебе, и мне, и сотням тысяч других людей известно: не воспользуйся ты этим оружием, нас бы сейчас тут не было. И не было бы на свете Английской Лунной станции, и не было бы смысла в геройской гибели твоего отца.

– Я жалею себя? – возмущенно начал он.

– Притворяешься, будто жалеешь, – перебила Элен, не дрогнув под его взглядом.

Майкл отвернулся.

– В таком случае не откажи в любезности, просвети, какие чувства надлежит испытывать в самый трудный час, когда от твоих товарищей вместо былого уважения и даже симпатии веет стужей? Гордость за свои достижения, что ли?

Элен не спешила с ответом. Выждав несколько секунд, она предположила:

– Может быть, просветление? Понимание чужой точки зрения, чужого настроения? – Она снова помолчала, затем добавила: – Сейчас никто из нас не способен нормально соображать. Переизбыток эмоций в тесном замкнутом пространстве, – какая уж тут объективность? Кое-кому тяжелее, чем другим. И я бы не сказала, что тут на всех одна шкала ценностей.

Трун промолчал. Он стоял к ней спиной, прикипев глазами к окну. Элен пересекла комнату и остановилась рядом.

Вид из окна не способствовал душевному подъему. На переднем плане – совершенно голая равнина, только разнообразные обломки горных пород нарушают пыльную гладь, да кое-где – колечки кратеров. Контрасты язвят глаз: под солнцем – ослепительный блеск, в тени – крошечная мгла. Если чересчур долго разглядывать какую-нибудь деталь этого ландшафта, то может закружиться голова и все вокруг пустится в пляс. За равниной торчали горы – как будто вырезанные из картона. Новичкам, привычным к округлым от древности горам Земли, становилось не по себе от высоты, остроты и зубчатости лунных пиков. При виде их новички всегда испытывали благоговение и нередко страх. «Мертвый мир», – говорили они, разглядывая эту картину.

«Слишком убогий, приземленный эпитет, – часто думалось Труну. – Смерть означает гниение, распад, метаморфозу. Но на Луне нечему гнить, нечему меняться. Здесь ничего нет, кроме безликой свирепости естества – слепого, вечного, стылого, бесчувственного. Не отсюда ли греки взяли концепцию хаоса?»

Справа над горизонтом висела краюшка Земли – широкая долька, сверху обстриженная линией ночи, снизу иззубренная о голые клыки гор. Больше минуты Трун ловил глазами ее холодный туманный свет, затем произнес:

– Забава для идиотов.

Врач неспешно кивнула:

– Конечно. – Она отошла от окна и возвратилась в кресло. – Я знаю... Точнее, правильное будет сказать, что мне кажется, будто я знаю, чем для тебя стал наш мирок. Сначала ты боролся за его создание, потом – за то, чтобы в нем теплилась жизнь. Ты занимался этим с младых ногтей и не мыслил иной судьбы. Второй трамплин для прыжка «за пределы...». Ради этого погиб твой отец, а ты ради этого жил.

Ты выкормил идею, как любящая и заботливая мать, и теперь узнал, как рано или поздно узнают все матери, что ребенку уже не нужна твоя грудь. А тут еще эта война! Она бушует уже десять дней, и одному Богу известно, какой ущерб несет человечество. В истории не бывало войны страшнее, может быть, эта – последняя. На месте огромных городов – воронки. Целые страны обращены в ядовитый прах. Выкипают моря, и влага льется из черных туч смертоносным дождем. Но к небу вздымаются новые клубы дыма, новые огненные озера растекаются по земле, и новые миллионы людей превращаются в пепел.

Ты говоришь, идиотская забава? Но где в твоих словах ненависть к ней за то, что она есть, и где – страх за дело всей твоей жизни, страх перед роком, который может изгнать нас с Луны?

Трун медленно отошел от окна и присел на край стола.

– Хороши все причины ненавидеть войну, – сказал он. – Правда, некоторые лучше других. Если ненавидишь только потому, что на ней гибнут люди... Многие известные изобретения тоже губят людей, машина, к примеру, или самолет, – так что же, прикажешь их уничтожить? Убивать людей на войне – это неправильно, это жестоко, но ведь война – не причина болезни, а симптом. Я ненавижу ее еще и потому, что она – дура. Она всегда была полоумной, а теперь окончательно свихнулась. Теперь она чудовищно расточительна. Чудовищно кровава.

– Не спорю. Тем более что пожираемые ею ресурсы очень быгодились для дальнейшего развития космической программы.

– А почему бы и нет? Вот мы с тобой наконец стоим у самого порога Вселенной, отсюда один шаг до величайшего приключения человеческой расы. И тут как назло – пошлая дворовая свара. И мы в который раз на грани видового самоубийства!

– И все-таки, – возразила Элен, – если бы не стратегические интересы, мы бы с тобой тут не разговаривали.

Он отрицательно покачал головой:

– Допустим, стратегические интересы – причина явная, но не единственная. Ибо отличительная черта нашего поколения такова, что на его веку воплощаются мечты человечества. Сама посуди, мы тысячелетиями мечтали летать – и наконец научились. Мы испокон веков грезили скоростями, и теперь можем перемещаться быстрее, чем сами в состоянии выдержать. Нам хотелось общаться с людьми в дальних краях Земли, исследовать морское дно и так далее, и тому подобное. Все это теперь в наших силах. А еще мы стремились раздобыть мощь, способную в мгновение ока сокрушить любого врага, – и раздобыли ее. Об одном только мы не мечтали по-настоящему – о мире. И не пошли дальше антивоенных проповедей, годных лишь на то, чтобы слегка успокоить совесть. Воистину, мечта, которая живет во многих сердцах, мечта по-настоящему выстраданная, – это неодолимая сила. Она неизбежно становится явью. Но мы всегда идем окольным путем и всегда утыкаемся в оборотную сторону медали. Мы научились летать – и возим бомбы. Мы развиваем сверхскорости – и тысячами губим своих собратьев. Мы вешаем на весь мир – и лжем всему миру. Мы умеем крушить врагов, но при этом крушим и себя. Иные мечты – очень сомнительные повивальные бабки истории, хотя они упрямо принимают роды.

Элен кивнула:

– Дотянуться до Луны – это, как ты говоришь, по-настоящему выстраданная мечта?

– Конечно. Сначала до Луны, а потом и до звезд. И сейчас она сбывается. Но для тех, кто внизу, – он махнул рукой в сторону окна, за которым маячила Земля, – мы – ненавистный серебряный месяц, несущий гибель всему живому. Вот обратная сторона этой конкретной медали. А ведь никто не питал ненависти к Луне, пока мы на ней не обосновались. Издревле ее боготворили и почитали, ей молились. Под ней вздыхали влюбленные, ее окликали дети. Она была Изидой, Дианой, Селеной, она целовала своего спящего Эндимиона, а мы ее обручили с разрушителем Шивой. Да, нас теперь ненавидят, и поделом, ведь мы осквернили древнюю тайну, нарушили вечный покой, втоптали в грязь античные мифы и замарали кровью прекрасный лунный лик. Такова обратная сторона – подлая, уродливая. Но это лучшее из того, что было нам по карману. Иначе мы вообще остались бы ни с чем. Обычно роды проходят болезненно и смотрятся отнюдь не умильно.

– Весьма красноречиво, – произнесла врач немного озадаченно.

– А ты разве не красноречива? – парировал Майкл. – Когда говоришь о сокровенном?

– Уж не пытаешься ли ты мне объяснить столь вычурным образом, что цель оправдывает средства?

– При чем тут это? Я просто хочу сказать, что некоторые деяния, по сути своей неблагоприятные, способны дать результаты совершенно иного рода. Некоторые цветы вырастают только на унавоженной почве. Римляне строили свою империю с варварской жестокостью, но на ее руинах поднялась европейская цивилизация. Америка добилась независимости отчасти из-за того, что разбогатела на рабском труде. Подобным примерам несть числа. А теперь у нас появился шанс продвинуться в космос – исключительно потому, что военные алчут стратегического преимущества.

– Значит, для тебя эта станция, – Элен обвела вокруг рукой, – только трамплин для прыжка к планетам?

– Не только. Сейчас это стратегический форпост, но его потенциальные возможности гораздо шире.

– Ты хочешь сказать, гораздо важнее?

– Мне кажется, да.

Врач закурила сигарету и, подумав несколько секунд, промолвила:

– Майкл, полагаю, для тебя не новость, что очень немногие люди на этой станции хорошо представляют себе твои жизненные принципы. Думаешь, кто-нибудь их разделяет, кроме трех-четырех парней из астрономического отдела, у которых звездочки в глазах?

– Думаю, нет. Так было все эти годы, а только теперь, к прискорбию моему, это имеет значение. Но ведь даже миллионы людей могут ошибаться. Это случалось нередко.

Она кивнула и произнесла все тем же ровным голосом:

– Что ж, давай рассмотрим ситуацию с их точки зрения. Все твои подчиненные – добровольцы и прибыли сюда для несения гарнизонной службы. Они не считали и не считают Лунную станцию трамплином для прыжка, хотя некоторые, наверное, допускают, что когда-нибудь она им станет. Сейчас они видят в ней то, чем она и является, – стратегический объект, начиненный ракетами, любую из которых можно положить в радиусе двух с половиной миль от любой точки, выбранной на земном шаре. И по-своему они совершенно правы. Наша станция построена и вооружена с той же целью, что и остальные лунные станции. – чтобы представлять собой угрозу. Правда, раньше мы надеялись, что она так и останется угрозой и одного факта ее существования будет достаточно, чтобы сохранился мир. Надежда рассыпалась в прах – так уж вышло... Бог знает, кто или что развязал войну, но она все-таки началась, и как же она выглядит отсюда? Русская станция дает ракетный залп. Американская ведет систематический обстрел. По сути, Луна вступила в сражение. Но какую роль во всем этом играет Английская станция? Запускает всего три средние ракеты! Американская станция засекает приближающийся русский «снабженец» и подбивает его легкой ракетой. Русская станция и, по ее примеру,

один из советских спутников сразу начинают молотить по американцам, те какое-то время швыряются легкими и тяжелыми ракетами, а потом вдруг успокаиваются. Русская станция продолжает запускать ракеты через короткие промежутки времени, но теперь и она не подает признаков жизни. А чем, спрашивается, занимались мы, пока все это происходило? Запустили еще три средние ракеты, и еще три после того, как замерла русская станция. Девять средних ракет! Вся наша доля на сегодняшний день! А ведь война еще не кончилась, и можно лишь догадываться, что происходит на Земле. Изредка в эфире мелькают новости, через несколько минут за ними вдогонку летят исправления, а то и опровержения. Пропаганда для подъема боевого духа, пропаганда для снижения боевого духа, желаемое, выдаваемое за действительное, ложь хитро завуалированная, ложь откровенная, истерия... Может, и есть в этом несколько крупиц истины, но поди их разыщи! Одно мы знаем точно: две величайшие силы, каких еще не бывало в истории планеты, стараются уничтожить друг друга всеми существующими видами оружия. Сотни городов и сел со всеми жителями, целые континенты обречены на гибель в огненных руинах. На чьей стороне перевес? И вообще, может ли кто-нибудь победить? Какова судьба нашей страны, наших домов? Мы не знаем! И ничего не делаем. Просто сидим на Луне и смотрим на Землю, такую безмятежную, жемчужно-голубую, и гадаем на кофейной гуще – час за часом, день за днем воображаем ужасы, что творятся под облаками. Цепенеем от страха за свои семьи, за друзей... Среди нас пока сломались единицы, и мне это кажется удивительным. Но предупреждаю тебя как врач: если так будет и впредь, очень скоро не выдержат и остальные. Конечно, люди переживают и волнуются; конечно, падает дисциплина. Зачем вообще мы здесь нужны, спрашивают они себя, если не сражаемся, если не запускаем большие ракеты? Естественно, в масштабе всей войны они бы погоды не сделали, но хоть чуть-чуть помогли бы нашим. Ведь именно для этого нас сюда и прислали, так почему же мы сидим сложа руки, почему сразу не отправили ракеты, когда они могли причинить врагу наибольший урон? Другие станции это сделали. Почему мы бездействуем по сей день, ты можешь объяснить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.